

в разных регионах, сблизить свои законодательства. Этот факт значительно облегчил сотрудничество между государствами, хотя на сегодняшний день остается множество проблем, требующих дальнейшего разрешения.

В данной статье мы попытались путем анализа исторических данных раскрыть сущность экстрадиции. Важно отметить роль изучения исторического развития экстрадиции, что способствовало бы определению дальнейшей перспективы развития данного института. Имея представление о развитии института экстрадиции в разные эпохи, возможно предвидеть тенденции его последующего развития, а также прогнозировать его влияние на современное общество.

Some Aspects of the Institute of Extradition's Evolution (Summary)

Kuchuhidze S.T.*

The article tackles the issue of extradition in the aspect of its evolution and gives deep analysis of this notion at different stages of its development and in different epochs starting from the ancient times. The author enumerates several treaties on the issue and illustrates the development of the phenomenon of extradition on their basis. Apart from this, different aspects of extradition (such as refusal to extradite, consular courts, etc.) and their evolution are also analyzed. Theories concerning the issue of extradition are reviewed as well and their influence on the shaping of the concept in different countries and their respective legislations in this sphere is described. The author offers the analysis of the evolution of this concept in Russia thus demonstrating the importance of the concept of extradition in bilateral relations of the states.

In the article the author has analyzed the evolution in history of the notion of extradition and thus has tried to convey its meaning. In this respect it is essential to remark that knowledge of the past events concerning the topic of the research may help understand further trends of the development of this phenomenon. This will also assist in assessing the influence it may have in the contemporary society.

* Kuchuhidze S.T. – post-graduate student of the Chair of International Law, Diplomatic Academy MFA Russia.

Международно-правовое регулирование пределов защиты журналиста во время вооруженного конфликта

Магомедов М. Ш.*

Международное гуманитарное право (МГП) как отрасль международного права (МП) предоставляет специальную защиту отдельным лицам, объединенным в одну категорию покровительствуемых лиц.

Защита журналиста непосредственно связана с содержанием его прав и обязанностей, т.е. с правовым статусом, который регулируется правом как в мирное, так и в военное время. Однако следует отметить, что в рамках МП не установлен полный объем прав и обязанностей, а также ответственность журналистов за их деятельность в мирное время.

Можно определить правовой статус журналиста в мирное время посредством анализа норм международных документов и конкретизации некоторых этих норм применительно к специфике журналистской деятельности и выявить соответствующие особенности правового регулирования.

Международные акты, касающиеся профессиональной журналистской деятельности, можно условно разделить на две группы:

1) международные акты о защите прав и свобод человека и гражданина, которые закрепляют право человека на получение информации и свободу слова. Примерами здесь могут быть Всеобщая декларация прав человека 1948 г.¹, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.², а также региональные договоры о защите прав и свобод человека и гражданина (например, европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.³);

* Магомедов Марат Шейхмагомедович - студент юридического факультета Южного федерального университета (Ростовского государственного университета). Публикация подготовлена на основе доклада на конкурсе студенческих работ по международному гуманитарному праву 2007 г., где доклад был оценен первой премией.

¹ РГ. 1995. 5 апреля.

² Бюллетень международных договоров. 1993. № 1. С. 3-6.

³ Текст ред. от 11.05.1994 опубликован: СЗ РФ. 8 января 2001 г. № 2. Ст. 163, первоначальный текст документа опубликован: СЗ РФ. 18 мая 1998 г. № 20. Ст. 2143.

2) международные конвенции, регулирующие некоторые вопросы деятельности СМИ на территориях отдельных государств, например Конвенция о статусе корреспондента, представляющего СМИ государства – участника СНГ в других государствах Содружества от 16.04.2004 г.⁴, Соглашение о международно-правовых гарантиях беспрепятственного и независимого осуществления деятельности межгосударственной телерадиокомпании «Мир» от 24.12.1993 г.⁵, Соглашение об основных принципах взаимодействия с информационным агентством «Интерфакс» от 17.10.1996 г.⁶ и др.

В отношении первой группы актов можно отметить следующее: они носят универсальный характер, поскольку защищают права человека и действуют как в мирное, так и в военное время. Однако их применимость может ограничиваться в условиях чрезвычайной ситуации, что прямо устанавливается в текстах данных документов⁷.

Вторая группа международных договоров заключается только для решения определенных задач, связанных с упрощением правового регулирования деятельности отдельных СМИ либо, например, с регламентацией содействия деятельности СМИ. Представляется, что в военное время такие договоры перестают действовать, поскольку существенно изменяются условия, при которых предполагалось их действие. Поэтому данные акты не могут рассматриваться как источник регулирования правового статуса журналиста и СМИ в военное время.

Государства обязаны обеспечить и не препятствовать реализации права человека на информацию и свободу слова в объеме, определенном в международных документах⁸.

Ограничения этих прав могут быть установлены только законом и могут являться необходимыми для уважения прав и репутации других лиц, для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения. Целесообразно отметить, что ограничения данного права непосредственным образом влия-

ют на деятельность журналистов и заключают ее в определенные правовые рамки.

Принято считать, что профессиональная деятельность журналистов должна регулироваться на национальном уровне. Например, Конституция РФ⁹ в ст. 29 закрепляет свободу мысли и слова, свободу массовой информации, запрет цензуры. Кроме того, содержатся другие конституционные положения, касающиеся информации, иных прав и свобод человека и гражданина, гарантий их обеспечения и защиты¹⁰. Данные конституционные положения развиты в законодательных актах¹¹.

Несмотря на то что Конституция и федеральное законодательство РФ соответствует международным стандартам, представляется, что наиболее целесообразным было бы регулирование общих вопросов правового статуса журналиста в международном договоре универсального характера.

Особо следует рассмотреть позицию, изложенную в юридической литературе, о международном праве массовой информации как самостоятельной отрасли МП. МП массовой информации – это совокупность специальных международных принципов и норм, регулирующих права и обязанности субъектов МП в процессе использования (или санкционирования использования) средств массовой информации¹². Нормы данной отрасли права регламентируют как технические аспекты распространения массовой информации, так и вопросы ее содержания. Кроме того, выделяются отраслевые принципы международного права массовой информации¹³. А, как известно, наличие таких принципов – это основное свидетельство целесообразности выделения той или иной группы норм в отрасль международного права.

Что касается МГП, то в его основе лежат положения, призванные обеспечить защиту и гуманное обращение с лицами, которые либо выведены из строя, либо не принимают участие в вооруженных конфликтах (ВК). К последним, в частности, относятся журналисты, перед

⁴Бюллетень международных договоров. 2005. № 12. С. 4-7.

⁵Бюллетень международных договоров. 1995. № 3. С. 4-7.

⁶Бюллетень международных договоров. 2006. № 9. С. 20-22.

⁷Баглай М.В. Конституционное право РФ. М., 2005. С. 174; см. п. 3 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., п. 3 ст. 13 Американской конвенции о правах человека 1969 г.

⁸См., например, ст. 19 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 13 Американской конвенции о правах человека 1969 г.

⁹РГ, № 237, 25.12.1993.

¹⁰См. ст. 28, 31, 41, 42, 44, 46 Конституции РФ

¹¹Например, в ст. 144 Уголовного кодекса РФ предусматривается уголовная ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов.

¹²Международное право: Учебник / Отв. ред. Ю. М. Колосов, Э.С. Кривчикова. 2-е изд. М., 2005. С. 560.

¹³Там же. С. 568-569.

которыми, помимо преодоления общих угроз безопасности и необходимости остаться живыми и здоровыми, стоит и другая задача: невзирая на все препятствия, выполнить свою работу.

Международно-правовые акты в сфере МГП не содержат положений, касающихся деятельности журналистов во время войны. Иначе говоря, МГП защищает не деятельность журналистов, а людей, занимающихся этой деятельностью¹⁴.

В результате анализа норм МГП можно прийти к выводу о том, что в зоне ВК могут работать 2 категории журналистов:

- военные корреспонденты (ст. 4.А (4) ЖК III¹⁵) и
- журналисты, находящиеся в опасных профессиональных командировках в районах ВК (ст. 79 ДП I¹⁶).

Согласно ст. 4 ЖК III военные корреспонденты – это 1) представители СМИ, 2) имеющие аккредитацию в вооруженных силах и 3) сопровождающие военные формирования, при этом 4) не являясь их членами. Эта же статья говорит, что военные корреспонденты при попадании в плен пользуются такой же защитой, что и военнопленные.

Журналисты, находящиеся в опасных профессиональных командировках в районах ВК, не получают аккредитации в вооруженных силах, хотя могут сопровождать военные формирования, по крайней мере прямого запрета на подобное сопровождение нет. Такие журналисты обладают статусом гражданского лица и, как следствие, пользуются защитой от нападения, если только они не совершают никаких действий, несовместимых с их статусом гражданского лица¹⁷. Следует заметить, что норма ст. 79 ДП I отсылочная и раскрывается в статьях, в которых говорится о защите гражданского населения¹⁸. Представляется, что простое отождествление статуса журналиста со статусом гражданского лица не является целесообразным, поскольку журналисту для

¹⁴ Гассер Х.-П. Защита журналистов в опасных командировках. Право, применяемое во время вооруженного конфликта. М.: МККК, 1999. С. 154.

¹⁵ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 125-204, 279-280.

¹⁶ Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 134-182.

¹⁷ Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права. М. 2004. С. 133.

¹⁸ Как справедливо отмечено в юридической литературе, статья 79 (1) сформулирована не очень удачно: ведь по смыслу статьи 50 (1), к которой отсылает статья 79, журналист не только «рассматривается как» гражданское лицо, но и «является» таковым. См.: Бальги-Галлуа А. Защита журналистов и средств массовой информации во время вооруженного конфликта // Международный журнал Красного Креста. Сборник статей. 2004. С. 17.

осуществления его профессиональных обязанностей нужно предоставление определенных гарантий.

Необходимо четко разграничивать юридическую защиту и право на нее; юридическая защита закреплена в нормах соответствующих международно-правовых актов, а право на защиту – это практическая реализация норм МГП (фактическая защита).

Защита журналистов подразумевает не только необходимость принимать те или иные действия, но и обязательство не прибегать к определенному роду действиям¹⁹. Так, гражданские лица в соответствии со ст. 51 (2) ДП I (в т.ч. журналисты) не должны являться объектом нападения (воздержание от действий), в соответствии со ст. 52 ДП I гражданские лица имеют право на то, чтобы к их собственности относились с уважением, если она не имеет военного характера (действие).

По мнению автора, особой необходимости в выделении двух категорий журналистов нет, так как прежде всего правовой статус журналиста обусловлен теми функциями, которые выполняются этим человеком (в основе статуса журналиста – особый род деятельности). Наличие аккредитации лишь изменяет объем прав и обязанностей.

Анализ статуса журналиста в условиях ВК будет неполным, если не затронуть ситуацию, когда происходит задержание журналиста. Вооруженные силы имеют право задержать любого, кто находится в зоне военных действий²⁰ (например, во время комендантского часа). Как видится, при задержании журналист не теряет фактическую защиту, а также право на нее (кроме случаев, когда он уже лишился права на специальную защиту ранее), хотя и не может реализовывать свое право на получение информации. Более того, задержание в некотором смысле может обеспечить безопасность журналиста, так как во всех случаях удерживающая сторона обязана следовать нормам МГП, которые требуют от нее гуманного обращения во время содержания журналиста и всех юридических гарантий в случае судебного процесса (ст. 75 ДП I).

Помимо прав для определения статуса журналиста важными являются обязанности, возлагаемые на него как нормами МГП, так и национальным законодательством. Примером может служить обязанность воздерживаться от определенных действий во время комендантского

¹⁹ Калугин В. Ю. Курс международного гуманитарного права. Минск, 2006. С. 166

²⁰ Гассер Х.-П. Защита журналистов в опасных командировках. Право, применяемое во время вооруженного конфликта. М.: МККК, 1999. С. 158

часа. Поэтому целесообразно отметить, что в военное время реализация как прав, так и обязанностей журналистов, обусловленных их правовым статусом, будет служить конечной цели, т.е. защите их как покровительствуемых лиц.

Однако в целом статус журналиста в условиях ВК не является предметом регулирования МГП; иными словами, регулирование данных отношений осуществляется национальным правом²¹, что нельзя признать удачным. Как видится, следует расширить область регулирования норм МГП касательно правового статуса журналиста с учетом специфики профессиональной деятельности в условиях ВК²² — это будет способствовать установлению того минимума прав, которым в любом случае будет обладать журналист, и исключать возможность умаления прав журналиста.

Нормы МГП на универсальном уровне, гарантируя журналистам защиту, тем не менее, предусматривают возможность ограничения последней путем установления пределов защиты.

Следует различать пределы защиты и пределы права на защиту (прекращение права на защиту). Пределы защиты означают прекращение состояния фактической защищенности, но они не всегда связаны с утратой права на защиту; последнее у журналиста остается, хотя и не реализуется. Прекращение права на защиту автоматически за лишением собственно права влечет потерю и фактической защиты. Кроме того, если осталось право, то при изменении обстановки может вернуться фактическая защита.

Пределы защиты журналистов в ВК — это установленные нормами МГП границы, выход за которые основывается на определенной совокупности юридических фактов и всегда приводит к прекращению состояния защищенности (защиты) журналиста, а иногда и предоставления права на защиту.

Особо следует оговорить то, что перечень пределов защиты журналистов должен быть закрытым (*numerus clausus*).

Пределы защиты журналистов можно классифицировать по различным основаниям. Так, можно выделить объективные пределы и

²¹ О регулировании правового статуса журналиста национальным законодательством см., например: Бусленко Н.И. Конституционные основы профессиональной деятельности журналиста в РФ. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

²² Аналогичный тезис см.: Солодченко В.С., Алексеев Г.В. Международно-правовой статус журналиста в зоне вооруженного конфликта // Российский ежегодник международного права. Спец. выпуск. СПб., 2005. С. 65.

субъективные. Кроме того, можно выделить такую классификацию, в которой отпадает либо только фактическая защита (нахождение журналиста рядом с военным объектом или внутри него, использование журналистом форменной одежды), либо и фактическая защита, и право на нее (шпионаж, использование оружия с целью участия в ВК, распространение паники).

Объективные пределы устанавливаются самими нормами МГП, воля журналиста здесь не имеет юридического значения. Как представляется, на сегодняшний день нормами МГП объективные пределы не установлены, однако возможно обусловить получение специальной защиты наличием удостоверения журналиста, отличительного знака, аккредитации или определенного гражданства.

Можно в зависимости от того, имеется ли удостоверение у журналиста или нет, закрепить в нормах МГП соответствующие пределы защиты журналиста; иными словами, для получения статуса журналиста нужно фактически иметь удостоверение.

Если в соответствии с нормами Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 27.07.1929 г. журналист должен был обязательно иметь удостоверение личности, выданное компетентными властями, чтобы получить право на статус военнопленного, то согласно Женевской конвенции 1949 г. журналист должен получить удостоверение, которое будет являться официальным разрешением на право следования за вооруженными силами, а кроме того, служить доказательством, которое противник может потребовать, чтобы определить его статус в случае захвата в плен. Удостоверение военного корреспондента играет приблизительно ту же роль, что и форма солдата: оно создает презумпцию (в соответствии с которой достаточно предъявления корреспондентом удостоверения для того, чтобы сторона, держащая его в плену, рассматривала корреспондента в качестве военнопленного. — М. Ш.)²³. Здесь же необходимо указать, что удостоверение личности, о котором идет речь в ст. 79 (3), не придает определенного статуса, оно лишь «удостоверяет статус его предъявителя как журналиста»²⁴.

Следует отметить, что при закреплении в нормах МГП очередного предела защиты журналиста нужно оценить все положительные и отри-

²³ Гассер Х. П. Защита журналистов в опасных командировках. Право, применяемое во время вооруженного конфликта. М.: МККК, 1999. С. 144

²⁴ Alexandre Balguy-Gallois. The protection of journalists and news media personnel in armed conflict // International Review of the Red Cross. Vol. 86. No. 853, March 2004. P. 42.

цательные результаты такого нововведения. Применительно к установлению пределов защиты в зависимости от наличия удостоверения положительным результатом будет четкое отграничение журналистов от иных категорий. Отрицательной стороной будет тот факт, что журналисты, желающие подготовить материал инкогнито либо без извещения компетентных властей в целях более полного освещения фактов ВК, не смогут реализовать поставленные перед ними цели.

Аналогичным требованием наличия или отсутствия удостоверения является условие, при котором обязательна аккредитация журналиста для получения специальной защиты.

Как видится, отрицательный момент установления пределов защиты журналиста в зависимости от наличия удостоверения превышает положительный, поэтому закрепление данного основания в нормах МГП нежелательно.

Можно установить пределы защиты в зависимости от того, является ли журналист гражданином (подданным) государства – участника ВК или гражданином (подданным) союзника государства – участника ВК²⁵ (применительно к ВК немеждународного характера – относится ли журналист каким-либо образом, например этнически, к народу, борющемуся за свою независимость). Так, представляется, что гражданам государства – участника ВК можно установить пределы защиты, т.е. лишить специальной защиты журналиста. Однако это не лишает этого человека прав, которые предоставляются ему нормами МГП как гражданскому лицу (если, конечно, он не теряет данный статус). Но отказ в статусе журналиста лишает этого человека права осуществлять журналистскую деятельность.

Таким образом, следуя данной концепции, журналистом (и, соответственно, с правом пользоваться защитой) будет только гражданин государства, которое не участвует в ВК. При оценке положительных и отрицательных моментов этой ситуации надо указать:

1) журналист-гражданин государства, которое участвует в ВК, вряд ли способен сохранять объективность в освещении событий войны;

2) однако страна – участница ВК, журналистам которой отказано в соответствующем статусе и защите, остается в информационном вакууме, теряет свои собственные информационные каналы, хотя остаются СМИ нейтральных стран;

²⁵ Далее понятие «гражданин государства - участника ВК» будет включать также понятия «подданный государства - участника ВК» и «гражданин (подданный) союзника государства - участника ВК».

3) отношение местных жителей к журналисту-«врагу» будет, мягко говоря, недоброжелательным, отсюда презумпция шпионажа либо вероломства, так что никто не сможет гарантировать фактическую защиту журналисту.

Данную позицию нельзя оценить однозначно, и итог будет зависеть от того, что для исследователя является более важным: жизнь и здоровье журналиста (их спасение в случае запрета находиться в зоне ВК) либо свобода слова. Как представляется, концепция, согласно которой журналисту – гражданину государства – участника ВК не предоставляется специальная защита, является мотивированной.

Можно установить объективные пределы защиты для журналиста, который не имеет отличительного знака. В литературе уже описывалась история попытки введения отличительного знака для журналистов, а также выделялись мнения о целесообразности этого шага²⁶, поэтому останавливаться на проблематике отличительного знака не стоит, однако, представляется, что введение подобного отличительного знака не принесет большой практической пользы хотя бы потому, что журналист может забыть (это же можно отнести и к вопросу об удостоверении) надеть повязку со знаком, она может прийти в негодность и т.д.

Выше были названы и кратко описаны случаи, когда мировое сообщество, если сочтет нужным, может закрепить в нормах МГП пределы защиты журналиста, находящегося в зоне ВК.

Для установления субъективных пределов наличия только норм МГП недостаточно, эти нормы должны идти в совокупности с определенными действиями как юридическими фактами, в которых выражается воля журналиста.

Нахождение журналиста рядом с военным объектом или внутри него

Журналист может утратить фактически предоставляемую ему защиту, если он следует за военным формированием и находится от последнего на слишком близком расстоянии или, тем более, внутри него.

Журналист, движимый профессиональной целью, совершает действия, которые направлены на получение информации о ВК.

²⁶ См., например: Ибраева Г.Ж. Региональные конфликты и средства массовой информации [электронный ресурс]. <http://library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=19&c_id=384>.

Безусловно, при нахождении рядом с военным объектом (ВО) можно получить больше сведений о фактах ВК. Таким образом, совершая подобные действия, журналист, подвергая себя большей опасности, прекращает собственное состояние фактической защищенности. Статус журналиста как бы «растворяется» в правовом статусе ВО, который может стать законным объектом нападения со стороны противника (если только нападение не является нарушением принципа соразмерности – ст. 51.5 (b) ДП I).

Подобные ситуации встречаются довольно часто; так, например, в период войны во Вьетнаме американское военное командование предлагало журналистам транспорт для выезда на место события, но не гарантировало безопасность. Так же происходило в Чечне. Военное командование Российской армии тоже предлагало помощь журналистам, предоставляло бронетранспортер. Но если бронетранспортер попадал в засаду, вряд ли ситуация способствовала безопасности журналиста, так как нападению подвергался каждый, кто находился в этом бронетранспортере. Скорее всего, журналист будет уничтожен вместе с другими комбатантами²⁷. Как представляется, журналист осознанно (хотя и не имея такой цели) отказывается от фактической защиты.

В рамках только что сказанного возникают как минимум три проблемы. Первая заключается в том, какое расстояние нужно считать достаточным для того, чтобы констатировать, что журналист находится слишком близко от ВО и теряет защиту, данную ст. 79 ДП I.

Сразу следует заметить, что трудности не возникают, если журналист находится внутри ВО (например, внутри ограды вокруг ВО). Если же журналист следует за ВО или располагается рядом с ним, то могут сложиться несколько ситуаций: так, в случае, когда ВО окружен противником и журналист находится между ними, как видится, он теряет фактическую защиту. Если в ходе военных действий происходит использование какого-либо незапрещенного оружия, то пространством, в котором журналист оказывается без фактической защиты, будет сфера действия (зона поражения) такого оружия.

Вторая проблема связана во многом с характером нападения на ВО. Так, если действия нападающего носят мгновенный характер (но в рамках дозволенного нормами МГП) и нет возможности разобраться, с кем имеешь дело, то нападение и на журналиста будет в рамках

²⁷ Ибраева Г. Ж. Региональные конфликты и средства массовой информации [электронный ресурс]. <http://library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=19&c_id=384>.

дозволенного. Если же у нападающего есть реальная (хотя данное определение оценочное) возможность удостовериться, что перед ним журналист (этому может способствовать презумпция, данная п. 1. ст. 50 ДП I – презумпция гражданского лица), то фактическая защита последнего продолжается. Можно сделать вывод, что фактическая защита продолжает действовать при возможности нападающего не применять вооруженные силы против журналиста, в противном случае было бы необоснованное оставление его на произвол судьбы.

Третья проблема возникает в силу того, что нормы МГП не дают журналисту, находящемуся около или внутри ВО, статуса военнопленного в случае попадания его во власть противника. Данное положение не позволяет должным образом защитить журналистов, оказавшихся в плену, и, как видится, нормы МГП должны предоставить статус военнопленного журналисту на случай плена.

Необходимо рассмотреть ситуацию, когда журналист предупрежден о возможности нападения и продолжает находиться рядом с ВО или внутри него. Становится ли журналист комбатантом? Как представляется, если он продолжает выполнять только свои профессиональные обязанности, то оснований для признания его комбатантом нет.

Установление пределов защиты журналиста при приближении либо нахождении внутри ВО является необходимым. В противном случае весь ВО изымался бы из сферы допустимой атаки, так как правовой статус ВО «растворился» бы в правовом статусе журналиста, тем самым последний оказался бы живым щитом ВО, что привело бы к массовым нарушениям и злоупотреблениям.

Представляет интерес ситуация, когда объект mass media может считаться ВО. При анализе этой ситуации надо обратиться к ст. 52 ДП I, в которой указывается то, что относится к гражданским (ст. 52 (1) ДП I) и что – к военным объектам (ст. 52 (2) ДП I).

При описании признаков ВО во главу угла ставится функциональный момент. Гражданский объект определяется через негативный элемент, т.е. гражданский объект – это то, что не является ВО. Поэтому при отнесении объекта mass media к тому или иному надо определить, удовлетворяет ли данный объект критериям ст. 52 (2) ДП I. Однако, как представляется, если объект mass media обустроен подобно ВО, похож на него, хотя и не обладает признаками ст. 52 (2) ДП I, то этот объект не может пользоваться защитой, которая предоставляется нормами МГП. Особо следует выделить то, что даже если объект mass

media не соответствует критериям ст. 52 (2) ДП I, если не похож на ВО, но используется не для профессиональной цели журналистов (например, незаконное хранение боеприпасов), то этот объект лишается защиты.

В любом случае нападающий должен помнить о презумпции использования объекта в гражданских целях, установленной ст. 52 (3) ДП I, а также должен учитывать общую цель, которую преследует ДП I и которая заключается в том, чтобы обеспечить защиту гражданского населения и гражданских объектов²⁸.

Кроме того, норма, содержащаяся в ст. 52 (2), представляет собой как с теоретической, так и с практической точки зрения применение одновременно и принципа военной необходимости, и принципа недопущения нанесения излишних страданий²⁹.

Использование журналистом форменной одежды

В ст. 79 ДП I установлено положение о том, что журналистам, работающим в зоне ВК, предоставляется защита. Однако специально оговариваются случаи, при которых журналист утрачивает защиту как гражданское лицо: это происходит, если он становится комбатантом. Представляется, что журналист перестает пользоваться защитой, установленной нормами МГП и необходимой для выполнения профессиональных обязанностей, если он использует форменную одежду; наличие соответствующей экипировки является достаточным условием для того, чтобы противная сторона рассматривала его в качестве комбатанта.

В литературе по этому поводу смоделирована ситуация: «Молодые журналисты всегда хотят покрасоваться в военной форме. Однако это желание использовать военную форму, камуфляж для сохранения гражданского костюма дает лишний повод принять журналиста за обычного военнослужащего с вытекающими последствиями»³⁰.

²⁸ Бальги-Галлуа А. Защита журналистов и средств массовой информации во время вооруженного конфликта // Международный журнал Красного Креста. Сборник статей. 2004. С. 6-17.

²⁹ Henri Meyrowitz. Le principe des maux superflus. De la Declaration de Saint-Petersbourg de 1868 au Protocole additionnel I de 1977. Revue internationale de la Croix-Rouge, № 806, mars-avril 1994. P. 122.

³⁰ Ибраева Г. Ж. Региональные конфликты и средства массовой информации [электронный ресурс]. <http://library.cjes.ru/online/?a=co№&b_id=19&c_id=384>.

Использование форменной одежды может лишить журналиста лишь фактической защиты, но не права на нее. Следует заметить, что само по себе использование форменной одежды не является правонарушением (если национальным законодательством не установлено обратное). Но в случае если журналист берет в руки оружие, в соответствии со ст. 4 ЖК III он теряет и защиту, и право на нее и должен рассматриваться в качестве комбатанта.

Особой проблемой является ситуация, когда журналист не полностью в камуфляже, например «гражданские» джинсы и военная куртка, и наоборот, плюс всевозможные комбинации. Установление четкой процентной величины соотношения военной и гражданской одежды, как представляется, невозможно и нелогично. Ситуация должна быть оценена (скорее всего, нападающим) в каждом конкретном случае, исходя из установленной в норме ст. 50 (1) ДП I презумпции гражданского лица: в случае сомнения необходимо тщательно оценить, с учетом условий и ограничений, налагаемых конкретной ситуацией, достаточно ли признаков, которые могут стать основанием для нападения. Нельзя автоматически нападать на любого, кто кажется подозрительным³¹.

Шпионаж

Журналист должен во время боевых действий заниматься своей профессиональной работой: фотографировать, снимать фильмы, делать магнитофонные записи или рукописные заметки³². В связи с этим актуальность приобретает возможность обвинения журналистов в шпионаже. Для установления пределов защиты журналиста важно выяснить, что входит в объективную сторону деяний журналиста и что – шпиона.

В объективную сторону деяний шпиона входят собирание или попытка собирания информации, имеющей военное значение, обманным путем или прибегая к тайным методам. К этим действиям можно добавить передачу данной информации стороне, в пользу которой работает шпион, а также ее хранение в целях последующей передачи. Журналист, чтобы не потерять право на защиту, не должен совершать вы-

³¹ Хенкерс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Том I. Нормы. (перевод с английского). МККК, 2006. С. 31.

³² Ибраева Г. Ж. Региональные конфликты и средства массовой информации [электронный ресурс]. <http://library.cjes.ru/online/?a=co№&b_id=19&c_id=384>.

шеперечисленные деяния; хотя, конечно, журналист имеет право собирать информацию законными способами и передавать ее в место своей работы.

В литературе касательно журналистской деятельности говорится, что иногда журналистам, выезжающим в «горячие точки», рекомендуется не брать с собой предметов, которые ассоциируются со шпионским ремеслом: биноклей и каких-либо приборов с антеннами. Думается, что в большинстве случаев эта рекомендация излишняя. В современной журналистской практике используется немалое количество различной аппаратуры, в том числе, например, спутниковые телефоны. Если вы работаете корреспондентом информационного агентства и первое условие вашей работы – оперативность, без этого прибора вам обойтись будет трудно. Другое дело, что при пересечении границ на различных таможенных и других контрольных постах вам не повредят документы, подтверждающие происхождение той или иной аппаратуры и ваше право на пользование ею³³. Подобные документы в совокупности с презумпцией гражданского лица будут способствовать снятию подозрения в занятии шпионской деятельностью.

Представляется, что журналист не может восстановить состояние фактической защищенности и право на защиту, разве что только при добровольном отказе от шпионажа. Ибо, как видится, даже когда журналист совершил единичный акт шпионажа и вернулся к обычной профессиональной деятельности, нормы МГП здесь не должны предоставлять заново ему защиту, однако следует подчеркнуть, что если его обвинят в шпионаже, он не должен подвергаться произвольному лишению свободы и имеет право на справедливый суд³⁴.

Вызывает определенные трудности отсутствие дефиниции «шпионаж» в нормах МГП. На данный момент регулирование данного вопроса осуществляется на уровне национального законодательства (в РФ – ст. 276 УК³⁵). Справедливости ради следует отметить, что ст. 46 ДП I перечисляет некоторые конструктивные признаки шпионажа, однако этого недостаточно. Поэтому можно предложить свое определение шпионажа и дальнейшее его закрепление в нормах МГП: шпио-

наж – это совершенные тайными методами или путем обмана собирание, похищение, хранение в целях передачи или передача противной стороне информации, имеющей военное значение, лицом, не являющимся гражданином государства, против которого осуществляются такие действия.

Следует заметить, что подобное определение может быть использовано только в условиях ВК. Журналист, который является гражданином государства, против которого осуществляются такие действия, совершает не шпионаж, а государственную измену.

Распространение паники

Все прекрасно понимают, что общественное мнение, формировать которое способны СМИ, представляет собой мощное орудие воздействия на воюющие стороны³⁶, орудие, способное изменить в лучшую сторону отношение комбатантов к жертвам конфликта, находящимся под покровительством международного права³⁷. Однако у носителя информации (журналиста) имеется возможность использовать информацию и в преступных целях (в данном случае – в целях распространения паники). Как видится, нормы МГП не должны оставаться в стороне от подобной ситуации, поэтому журналист, распространяющий панику, может лишиться и фактической защиты, и права на нее. Однако, представляется, нельзя однозначно говорить, что журналист, распространяющий панику, автоматически теряет защиту и право на нее.

Сначала надо тщательно разобраться с ситуацией при массовой панике. Последняя может быть вызвана распространением ложной или достоверной информации, публичным высказыванием журналиста или же постепенной передачей информации от одного человека другому. Кроме того, массовая паника может повлечь тяжкие последствия, а может обойтись без них.

Теперь рассмотрим возможность установления пределов защиты в зависимости от каждой причины и каждого последствия распространения паники. Представляется, что если журналист распространяет заведомо ложные сведения (что несовместимо с его профессиональной деятельностью) о ВК для начала паники, то он должен быть

³³ Князев А. Журналистика конфликта (пособие) [электронный ресурс]. <<http://ctaj.elcat.kg/tolstyj/СМи/cm001a.htm>>

³⁴ Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Том I. Нормы (перевод с английского). МККК, 2006. С. 153.

³⁵ СЗ РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

³⁶ О взаимном воздействии СМИ и воюющей стороны друг на друга см., например: Christiane Eilders. Media under fire: Fact and fiction in conditions of war // International Review of the Red Cross, Vol. 87. No 860 December 2005.

³⁷ Моду А. МГП и деятельность журналистов. М.: МККК, 1999. С. 168.

лишен и фактической защиты, и права на нее; в данном случае способ распространения ложной информации, мотивы такого действия, а также последствия не должны иметь значения.

Ситуация сложнее, когда журналист распространяет достоверную информацию; здесь вопрос о пределах защиты зависит от направленности умысла журналиста и последствий паники. Так, как представляется, если распространение достоверной информации привело к тяжким последствиям или создало реальную опасность наступления таковых (деликт опасности), журналист теряет свою защиту, предоставленную ст. 79 ДП I. Кроме того, если умыслом журналиста было охвачено наступление тяжких последствий, то он также лишается защиты и права на нее, хотя бы даже последствия не наступили. В остальных случаях, как видится, журналист продолжает пользоваться специальной защитой.

* * *

Итак, в целом статус журналиста в условиях ВК не является предметом регулирования МГП, однако следует расширить область регулирования норм МГП касательно правового статуса журналиста путем разработки, например, Кодекса журналистской этики, разработки принципов деятельности журналиста (подобно принципам, которыми руководствуется МККК) и т.д.

Нормы МГП на универсальном уровне, гарантируя журналистам защиту, тем не менее, предусматривают возможность ограничения последней путем установления пределов защиты. Перечень пределов защиты журналистов должен быть закрытым. Пределы защиты журналистов можно классифицировать по различным основаниям. Так, можно выделить объективные пределы и субъективные.

Вполне обоснованно можно говорить, что установление более четких пределов защиты журналиста, более детальная регламентация нормами МГП этих пределов будут способствовать усилению специальной защиты журналиста. Четкие пределы защиты устраняют возможность заведомо ложного обвинения журналиста в совершении чего-либо, что может иметь своим результатом неосновательное лишение журналиста защиты. Следует заметить, что пределы защиты способствуют дисциплинированности журналистов, которые должны знать, что у них есть не только права, но и обязанности.

Limits of International Legal Protection of Journalists in Armed Conflicts (Summary)

Marad Sh. Magomedov*

International humanitarian law distinguishes between two categories of journalists working in area of armed conflict: war correspondents accredited to the armed forces and «independent» journalists.

International humanitarian law grants war correspondents prisoner-of-war status if they are captured. Article 79 stipulates that journalists engaged in dangerous professional missions in areas of armed conflict (“independent” journalists) are civilians within the meaning of Article 50 (1) and thereby benefit from all the protection conferred by international humanitarian law on civilians.

Article 79 (2) of Protocol I, read together with Article 51 (3), grants journalists the legal protection conferred by international humanitarian law, unless they:

- accompany the armed forces and are located near it;
- participate directly in the hostilities;
- engage in espionage;
- wear military uniform;
- spread panic.

The journalist loses his immunity and becomes a legitimate target in the aforesaid situations. But the journalist sometimes recovers his right to protection against the effects of hostilities, for example, when he is far enough from the armed forces.

---

* Marad Sh. Magomedov – student of the Faculty of Law, South Federal University (The Rostov State University) The publication was prepared on the basis of the report presented at the of International Humanitarian Law students’ contest 2007, where it was rewarded the first prize.